Лекция 10

ҚАЗАҚСТАННЫҢ
АШЫҚ
УНИВЕРСИТЕТІ

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Трансформационная интерпретация и влияние

Цель: ознакомиться с сопоставительным анализом Сильвии Хеннеберг произведений «Бразилия, 1 января 1502 года» Элизабет Бишоп и «Создание религиозной общины в Бразилии» Макса Жакоба.

Ключевые слова: интерпретация, влияние, империализм, Бразилия.

Продолжая знакомиться с авторами, представленными Джулией Ривкин и Майклом Райаном в антологии «Теория литературы», мы рассмотрим исследование профессора английского языка университета Морхед Сильвии Ханнеберг о трансформационной интерпретации и влиянии на примере произведений «Бразилия, 1 января 1502 года» Элизабет Бишоп и «Создание религиозной общины в Бразилии» Макса Жакоба.

Перевод и интерпретация

Элизабет Бишоп, отмечает Сильвия Ханнеберг, всегда относилась с опаской к переводам ее работ. Во избежание неправомерных изменений она требовала проявлять особую осторожность при переводе и стараться переводить все дословно. В своей неопубликованной работе «Замечания по переводу» (касающейся в основном поэзии) она перечисляет свои «жалобы на переводы», например, «неточность – неправильное слово» или «использование трех или более слов, когда можно использовать только одно». Работа Роберта Лоуэлла «Имитация» (1961), которая трактует перевод как творческую персонализированную интерпретацию, вызвала дискомфорт у Бишоп. В письмах к Лоуэллу она подчеркивала важность сохранения индивидуального стиля автора и рифмы, а также поэтического замысла: «Я просто не могу понять, как «свободный перевод» имеет право изменять/влиять на поэтический замысел?». Несмотря на такие оговорки в своем отношении к свободному переводу, Бишоп сама занималась похожей деятельностью, которую можно назвать трансформационной интерпретацией стихотворений с других языков.

В этой связи С. Хеннеберг привлекает неисследованная связь между одним из самых важных стихотворений Бишоп «Бразилия, 1 января 1502 года» (1960) и стихотворением французского модернистского поэта Макса Жакоба «Создание религиозной общины в Бразилии» (1921). Можно обнаружить много сходств между ними, например, в изображении Бразилии как сада, появляющееся в обоих стихотворениях. Представляется вероятным, что Бишоп прочитала «Создание» Жакоба перед работой над своим стихотворением. Поэтому можно заключить, что, одной стороны, нельзя упускать из внимания влияния Жакоба на поэзию Бишоп, и, другой стороны, это произведение расширяет понимание метода Бишоп при работе с трансформационной интерпретацией как творческим средством взаимодействия с зарубежной поэзией.

Читая опубликованные письма и биографию Бишоп, можно узнать, что поэтесса не очень любила Францию и ее культуру. Трагическая автомобильная авария в Бургундии, острые приступы астмы во время ее пребывания в Париже привели к тому, что она написала о Франции в письме Марианне Мур (1937 г.): «Надеюсь, я никогда не увижу это место снова». Бишоп связывала многие трудности в ее жизни – потери, одиночество, болезни, травмы, неспособность писать и даже алкоголизм – с французской культурой и окружающей средой. Об этом говорит тот факт, что после нескольких посещений в середине и конце 1930-х годов она больше не вернулась во Францию.

Тем не менее, Бишоп заинтересовалась творчеством французского поэта, представителя кубизма Макса Жакоба (1876-1944). В 1950 году она перевела четыре его стихотворения, а также, возможно, была вдохновлена некоторыми его экспериментами и темами. Так, у Бишоп и Жакоба есть стихотворения под названием «Железная дорога», у обоих много названий стихотворений, связанных с концепциями путешествий и географией («Петухи» Бишоп и «Петух и жемчужина» Жакоба, «Одно искусство» Бишоп и «Частное искусство» Жакоба, «Обмен шляпами» Бишоп и «Тетя, пирог и шляпа» Жакоба).

Более того, повторяющиеся попытки Бишоп осмыслить отношения между домом и путешествиями в таких стихах, как «Вопросы о путешествиях» и «Прибытие в Сантос», также

находят отражение в нескольких стихотворениях Жакоба, в том числе в «Путешествии». Кроме того, у Бишоп и Жакоба наблюдаются общие предпосылки, которые выражают неспособность понять социально отчуждённые народы, например, у Бишоп в «Мануэльзиньо» и в «Нищенке Неаполя» у Жакоба.

Степень, в которой творчество Жакоба повлияло на Бишоп, отмечает С. Хеннеберг, еще предстоит исследовать. Однако нет никаких сомнений во влиянии «Создания религиозной общины в Бразилии» (1921) Жакоба на произведение Бишоп «Бразилия, 1 января 1502 года» (1960). В этих двух стихотворениях постановка проблемы, сюжет и драматическое движение к развязке имеют поразительное сходство. Представляют интерес способы, с помощью которых Бишоп отклоняется от модели Жакоба, усиливая и обостряя критику империализма. Таким образом, благодаря трансформационной интерпретации довольно неясного стихотворения, констатирует С. Ханнеберг, Макс Жакоб внес вклад в одно из самых важных стихотворений, которые когда-либо писала Бишоп.

Влияние

Формально эти два стихотворения достаточно разные. «Создание» Жакоба состоит из грамматически полных предложений, которые снабжены внутренней рифмой и выдержаны в стиле «александрийского стиха». «Бразилия» Бишоп написана свободным стихом, чьи описательные фразы игнорируют обычный синтаксис. Нерегулярные по длине, случайные по тону стихотворные строчки этого произведения не следуют обычной схеме рифм, но опираются на такие приемы, как аллитерация, повторение и перечисление, которые отсутствуют в стихотворении Жакоба.

Хотя формальные элементы этих двух стихотворений имеют мало общего, их экспозиции тематически очень близки. Место действия в обоих стихотворениях – Бразилия; период – эпоха колонизации, когда христиане прибыли на чужую землю и стали считать ее своей. Экспозиции очень похожи, потому что они изображают природу, которая радушно встречает захватчиков. Стихотворение Жакоба начинается с фразы: «Мы были встречены папоротниками и ананасом, и застенчивой антилопой под деревом», а Бишоп начинает свой текст так: «Природа открывалась взору/словно приветствовала их» (злоумышленников). Сочная растительность, красивый пейзаж и изобильная природа воспринимаются как существующие с единственной целью – служить белому человеку.

Это великолепие заманивает христиан, создавая ложное чувство гармонии с окружающим миром. Ослепленные видением Эдемского сада, который снабжает «всем, что им необходимо», монахи и монахини поэмы Жакоба не понимают, что они воспринимают мир, исходя из идеалов и взглядов, которые они импортируют из старого мира и накладывают на него. В «Бразилии» Бишоп португальские конкистадоры не появляются до самой последней строфы; однако поэтесса с самого начала подразумевает, что богатство природы ослепляет их аналогичным образом. Цветовая насыщенность окружающей среды, переданная богатыми визуальными деталями и повторениями описаний, а также акцентом на цвет, делает невозможным для этих людей видеть что-либо, кроме «пурпурных, желтых, розовых, ржаво-красных и зеленовато-белых» растений. Несмотря на то, что они просто наблюдают, они не понимают, что разрушают эту землю, одомашнивая, присваивая ее с помощью своих культурных кодов. То, что они видят, – это роскошный эстетический гобелен, который они могут просто «снять с рамки» и приспособить по своему усмотрению к несложной политической реальности.

Вариации

При прослеживании сюжета можно обнаружить три ключевых момента. Это христианское вторжение в Бразилию белых людей, присвоение земли и природы, а также конфронтация с «небелыми» народами. В обоих стихотворениях создается резкая динамика напряженности

перед переходом к кульминационной битве. Видение Бразилии неустойчивое, тревожное; мирные, пастырские и райские описания, вне всякой правдоподобности, создают у читателя ожидание краха и гибели. «Создание» Жакоба предвещает жестокие события, неоднократно ссылаясь на «грех». Жакоб упоминает монахиню, которая плачет: «Монахини трудились. Одна из них прочитала письмо и заплакала от позора и стыда» или: «Безмолвный монах напился виноградным вином».

Как и Жакоб, Бишоп выстраивает конфронтацию в конце своего стихотворения. Как заметила Барбара Пейдж, название стихотворения «Бразилия, 1 января 1502 года» обозначает дату объявления Рио-де-Жанейро частью португальских колоний и, таким образом, этот факт уже предписывает последующее насилие.

Подобно тому, как Жакоб в своем стихотворении описывает не только природу, но и «сто простых приютов в лесу», у Бишоп человеческие следы, оставленные колонистами в виде «бледно-зеленого сломанного колеса», становятся обрамленной пернатыми и растительностью деталью картины, которая в остальном состоит из пальм и птиц. В обоих случаях пейзаж, таким образом, отмечен как нарушенный, его чистота скомпрометирована внешними влияниями.

Параллели в стихотворениях Жакоба и Бишоп можно провести также в упоминаниях «Греха», предвещающего концовку стихотворений, и в написании этого слова с заглавной буквы.

Здесь упоминание о «грехе», как и о сломанном колесе, прерывает описания природы и обращает внимание на присутствие в нем мотива империализма. Сама природа едва ли грешна; однако ящерицы кажутся «драконами» со «злыми хвостами»; мох, уподобленный адско-зеленому пламени и способен «атаковать»; птицы, которые появляются как некие символы, греховно запятнаны, – все эти образы являются конструкцией Европы, потому что на природу Нового Мира смотрят сквозь призму мифов Старого Света. Перестраивая, воспринимая природу как греховную «роковую женщину», как выразился Томас Трависано, Бишоп подготавливает ее контраст с реальным грехом в конце стихотворения – уничтожения природы и его населения.

Если самым эффективным инструментом Жакоба для развития такого драматического напряжения является преувеличенная словесная похвала окружающей среды Нового мира, то у Бишоп – это зловещая тишина, образ которой она сохраняет до последней строфы своего стихотворения. Природа Бразилии находится в ожидании, приближаясь к некоей кульминационной точке. Как и у Жакоба, у Бишоп природа словно приостановлена, но готова взорваться. Возрастающее напряжение ведет к яростной конфронтации между христианами и «небелыми» народами в обоих стихотворениях.

В «Создании» Жакоба агрессоры идентифицируются как негры, которые выходят из леса и увеличиваются в количестве: «Лес, в котором переплетены критпомерии казался зараженным стригущим лишаем. Появился негр, затем два, затем сто, затем тысяча, и потом трава была испорчена». Жертвами, в свою очередь, являются монахи; даже осужденный поверенный-святой «Не мог помочь против этих людей, его мучителей». Тем не менее, Жакоб не позиционирует себя на стороне жертв; он тонко иронизирует, нарушая устоявшийся стереотип изображать негров униженными, а христиан – благородными. Для повествующего и для религиозной общины негры являются подобием инфекционного лишая, который разрушает их Эдем грехом. Однако для читателя они представлены как материализующая естественная сила, воплощение бразильского леса, именно они должны защитить принадлежащие им по праву земли от христиан. Христиане изображаются с иронией: в то время как сами они считают себя праведными, Жакоб мало что делает, чтобы вызвать к ним сочувствие читателя.

Как и Жакоб, Бишоп считает конфронтацию неизбежной, и она тоже критикует вмешательство империализма. Тем не менее, Бишоп озвучивает эту общую проблему в гораздо более ясных выражениях. Для этого она вводит несколько важных вариаций стихотворения Жакоба. Во-первых, она меняет позиции христиан в «Бразилии». Португальские колонисты позволяют себе жестокое обращение с «правонарушителями». Они – хладнокровные мучители, ибо, как говорит Бишоп, они не просто нападают по какой-то определенной оправдывающей их причине; скорее, они намерены испытать недозволенную стимуляцию, «совершенно новое удовольствие», которое они не могут получить дома. Один раз Бишоп назвала их «христианами», но не с целью подчеркнуть их религиозное благочестие, а только для того, чтобы сопоставить этот термин и заменить его военными образами, которые превращают их в воинственных солдат. В самом

деле, они становятся дикарями, к чьим моральным принципам Бишоп привлекает внимание, как и к их сомнительному соединению религии и войны. Однако их жестокость не дает им однозначного положения власти.

Во-вторых, Бишоп формулирует более прямую критику империализма при помощи рассмотрения гендерной динамики в стихотворении Жакоба. В отличие от «Создания» Жакоба, где женщины, особенно монахини, исчезают с места битвы, у Бишоп коренные народы, которые появляются в кульминационный момент, представлены женщинами. Эти женщины являются добычей в глазах португальских конкистадоров; не желая или не в состоянии бороться даже в целях самозащиты, они отступают перед враждебностью хищников. Однако их отступление не означает поражение. Если Жакоб связывает природу и «небелых» людей, то Бишоп совмещает местных женщин с их природным окружением, объединяя их с ящерицей, сливая их крики с криками птиц, и надежно закрепляет их, таким образом, в защитном гобелене природы (их уместность в «картине» природы, гармония с ней, единение и, отсюда, защита в ней). Агрессоры все еще продвигаются вперед, но, поскольку они борются индивидуально «с каждой индейской девушки – чтоб поймать ее для себя», они всегда остаются на обочине как женского, так и собственного сообщества.

Бишоп разделяет мнение Жакоба о том, что разрушения вызваны империалистическим вторжением. Тем не менее, она расширяет этот взгляд и связывает сексуальную эксплуатацию с географическим империализмом и подчеркивает способы, с помощью которых эта агрессивность может более четко выявить скорее слабые стороны захватчиков, нежели их явных жертв.

В третьей ключевой вариации стихотворения Жакоба «Бразилия» Бишоп отходит от размышлений о том, как империализм может повлиять на своих исполнителей, чтобы изучить его влияние на землю и людей. Повествователь в стихотворении Бишоп принимает сторону осажденных туземцев, превращая, тем самым, атакующих святую миссию «негров» Жакоба в «индейцев», преследуемых не по своей вине. «Создание» Жакоба раскрывает судьбу христианских монахов, их гибель. Негры внезапно исчезают, как и их лес, и, хотя последняя строфа сообщает о выжившем повествователе, читатель больше ничего не узнает о Бразилии. Бишоп принимает решение оставить повествователя в Бразилии (Жакоб разрешает своему покинуть страну), чтобы прочно обосноваться среди аборигенов. Каждый шаг, который ее христиане предпринимают для проникновения в лес, прямо противодействует отступающим шагам ее индейцев, создавая неопределенность, оставляя неразрешенным конфликт. Подчеркивая эту неопределенность, Бишоп не изображает окончательной победы или поражения, лишь намекая на насилие, уводя в обильные цветные образы пролитой крови.

Как ни странно, такое сопротивление завершению изображенного противостояния привлекает большее внимание к последствиям разрушения страны. Империализм, утверждается в стихотворении Бишоп, должен рассматриваться как непрерывный цикл продвижений и отступлений, сеющий скрытое насилие, цена которого столь же неописуема, сколь и высока. Обобщающее использование множественного числа в слове «январи» в начале стихотворения намекает на то, что до сих пор 1502 год и настоящее связаны между собой, поэтому незавершенный финал произведения Бишоп указывает на то, что империалистические действия заставили Бразилию и ее жителей страдать гораздо больше того, что обозримо и изображено.

Возможно, решение Бишоп состоит в том, чтобы поделиться и обострить опасения Жакоба о последствиях империализма. Бишоп поддерживает Жакоба, а затем меняет свое мнение, чтобы предложить конструктивную модель для решения вопроса вины и соучастия. Сходства между двумя повествователями в стихотворениях достаточно очевидны, так как оба четко обозначают событие, от которого их отделяет долгий путь.

У Бишоп посетитель-турист переосмысливает события 1502 года в Бразилии в удалении от реальных событий. Повествователь в стихотворении Жакоба не может быть оправдан, поскольку он был частью религиозной общины, присутствие которой привело к массовой бойне. Хотя повествователь «Бразилии» Бишоп не был ее участником или даже непосредственным свидетелем, Бишоп говорит о влияние империализма на его личность. С одной стороны, ее повествователь четко осознает ошибочность навязанных представлений о Бразилии и, с

другой стороны, он так же очарован красотой земли, как и колонисты в 1502 году. Не в силах противостоять желанию пометить эту экзотическую землю как свою собственную, он по-прежнему использует обращение к своим идеалам и старый словарный запас, чтобы описать все это великолепие.

Несмотря на общее сочувствие и авторское чувство вины, персонажи по-разному видят свою роль. У Жакоба повествователь не проявляет чувства вины, не несет ответственности, и поэтому невозможно понять, что происходит за пределами его собственной личности. Вместо того, чтобы оценить свои поступки, чтобы искупить их, он фокусируется на своих страданиях после неудачи предприятия. Погруженный в горечь и жалость к себе, он видит себя невинной жертвой, по существу хорошим и богобоязненным человеком, который ожесточен обстоятельствами своей жизни. Империализм становится его личной трагедией, на которую он отвечает эгоистичным уходом в себя. Жакоб делает своего повествователя настолько непривлекательным, что становится ясно, что поэт не потворствует ему, а обвиняет его в бегстве от соучастия.

Бишоп же выходит за рамки простого изображения бесплодных способов борьбы с виной, иллюстрируя не то, как можно впасть в подавленное состояние и отрицание своего влияния на процессы империализма, а скорее то, как можно столкнуться с их последствиями. Ее главная мысль состоит в том, чтобы превратить эгоцентричную личность из «Создания» Жакоба в вызывающий сочувствие голос в «Бразилии». К концу стихотворения повествователь Бишоп присоединился к индейским женщинам, когда они отступили вглубь леса. Империалистическая вина посетителя-туриста в стихотворении Бишоп, как и у Жакоба, ведет к отступлению, но его отступление выражено не в уходе в себя, а в присоединении к осажденным женщинам.

Таким образом, Бишоп заканчивает «Бразилию», создавая, пусть и несовершенную, основу для признания вины и соучастия, которая предполагает взаимодействие с оскверненной землей и коренными жителями на их условиях.

Чтобы определить степень влияния Жакоба на Бишоп, отмечает С. Хеннеберг, необходимо продолжить исследования. Однако точно можно предположить, что, когда она работала над «Бразилией», она изучала его стихотворение. Опираясь на «Создание» Жакоба, Бишоп развила, перенаправила и политизировала критику империализма, которую она нашла в первоисточнике.

Разумеется, «Бразилия, 1 января 1502 года» не является буквальным или свободным переводом. «Бразилия, 1 января 1502 года», как и «Создание религиозной общины в Бразилии» имеют одинаковый антиимпериалистический настрой, но Бишоп удалось создать свое собственное оригинальное стихотворение. Подобно португальским завоевателям, очарованным богатой природой Бразилии, резюмирует С. Хеннеберг, Элизабет Бишоп была очарована богатой текстурой, которую она увидела в стихотворении Жакоба, и создала новое произведение искусства, используя трансформационную интерпретацию.

В следующей лекции мы ознакомимся с сопоставительным анализом романов «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, «Большое Саргассово море» Джин Рис и «Франкенштейн» Мэри Шелли, предложенным Гаятри Чакраворти Спивак.

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем состоит суть трансформационной интерпретации и чем она отличается от свободного перевода?
2. Какова роль повествователя в анализируемых произведениях для понимания авторской позиции?

Литература:

1. Bishop Elizabeth. The Complete Poems 1927-1979. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 1983.
2. Jacob Max. Foundation of a community in Brazil// Transfusions: Poems from the French. – Newcastle upon Tyne: Tynside Free Press, 1995.